

007. Из нахлебников — в крепостные

Таотэ не ответил сразу — молчал, обдумывая услышанное.

Когда он когда-то подобрал Якоба, тот был тяжело ранен — и именно в бок, чуть ниже поясницы. Если поразмыслить, такую рану мог нанести только удар в спину — от своих же. Иначе не объяснить.

А теперь маленький человечек ушёл — и вернулся. Без лишних домыслов вывод напрашивался сам: его преследуют, и ему срочно нужно укрытие.

— Так что же всё-таки произошло? — спросил Таотэ.

Якоб по своему росту...

Таотэ, если честно, не очень-то и боялся, что тот наслёт целую орду маленьких мстителей. Дело не в трусости — просто самое страшное, что он мог себе вообразить, это толпа крошечных воинов с копьями размером со шпильку, яростно тычущих ими в него со всех сторон.

Но вот быть втянутым в чужие неприятности неожиданно и без предупреждения — это Таотэ не нравилось.

Якоб задумчиво склонил голову набок. Помолчав, выдал одну-единственную фразу:

— Я не знаю.

Говорил он не моргая — смотрел прямо на Таотэ своими большими влажными глазами. Похоже было, что не лжёт.

Но всякое любопытство, которое Таотэ уже успел разжечь, эти три слова погасили без остатка. Он не успел и рта раскрыть, как Якоб заговорил снова:

— До того как я очнулся, наше племя подверглось нападению. Я поднял людей и повёл их в бой. Потом кое-что пошло не так — и я оказался у тебя.

Таотэ встрепенулся. Племя?

Значит, маленький человечек не одиночка. У него есть целое племя — и, быть может, тысячи таких же крошечных существ прячутся где-то неподалёку от оборотничьего поселения?

Якоб рассказывал о серьёзных вещах детским голосом — это было немного смешно, однако Таотэ сдержал улыбку и слушал внимательно.

— Когда ты отвлёкся, я хотел уйти, — продолжал Якоб. — Выбрался из этого огромного двора и сразу же увидел людей из нашего племени. Но что-то было не так.

Там, где ниточка рассуждений у него обрывалась и дальше ничего не поддавалось осмыслению, маленький человечек по привычке поджимал губы — молчаливый знак нарастающего недовольства.

Не добившись никакого вывода, он продолжил своим мягким, чуть ноющим голосом:

— Там были не только наши. Среди них затесались и те, кто на нас напал. Судя по всему, из этого оборотничьего поселения они в ближайшее время не уйдут. Мне нужно укрытие. Возвращаться сейчас нельзя — обстановка ненормальная. К тому же рана ещё не зажила.

Таотэ молчал и слушал.

Слов было немного, но информации — с лихвой. Нужно было переварить.

То, что у Якоба есть племя, уже само по себе удивляло. Но то, что маленьких людей здесь немало — и помимо его племени существуют и другие — это было и вовсе неожиданно.

В чём суть войны между крошечными народами, Таотэ пока не разбирался. Зато слова о ране снова зацепили его внимание.

На изящном тельце Якоба от прежних повреждений не осталось и следа. Но сам он утверждал, что рана не зажила...

Поразмыслив, Таотэ наконец произнёс:

— Остаться можно. Но сначала — три условия.

Якоб выпрямился на кровати, поджал губы — приготовился. Пухлые щёки от этого стали ещё круглее.

— Первое: ты слушаешься меня, — начал Таотэ — и сразу это был ультиматум.

Якоб тут же открыл рот, чтобы возразить. Таотэ невозмутимо перебил:

— Это мой дом, мой двор, моё поселение. Моя территория — мои правила.

— Но...

— Кто здесь лучше знает местность — ты или я?

— Ты, но...

— Вот именно. Раз так — слушаешься меня, и всё будет нормально. Здесь я каждый закоулок знаю — только так тебя и спрячу как следует. Засветишься — неприятности будут не только у тебя, но и у меня. Или хочешь, чтобы тебя нашли оборотни? Или свои?

Маленький человечек побагровел от натуги, пытаясь нащупать хоть какой-то контраргумент — и не находил. Таотэ был прав: он знает это место, он большой, и без его помощи здесь не спрятаться.

— Раз возражений нет — договорились. Это первое условие. Запомни: что бы ни случилось — ты слушаешься меня.

Якоб поджал губы и обиженно кивнул, скрепив это неравноправное соглашение. Из нахлебника превратился в крепостного.

Таотэ встал и направился к двери.

— Ты ещё не всё сказал, — окликнул его Якоб.

Таотэ отмахнулся:

— Как вспомню — скажу. Жди пока.

И вышел почти бегом: на плите у него томилось мясо, и ни один маленький человечек в мире не стоил того, чтобы из-за него упустить нужный момент.

В кухне Таотэ торопливо откинул крышку — клубы пара вырвались наружу, и вместе с ними — густой, насыщенный аромат.

Свинина с бататом пахла так, что у него невольно потекли слюнки. Когда он в последний раз ел что-то по-настоящему вкусное? Кажется, за всю зиму нормально поесть так и не вышло — впервые с наступления холодов, что ли?

Таотэ сунул палочку в кастрюлю, проверил мягкость мяса и батата — готово. Достал блюдо.

Только что снятое с огня, оно обжигало даже через шкуру. Пальцы тянулись к уху сами собой.

Но запах, поднимавшийся над блюдом, заставлял забыть о жаре.

Когда пар рассеялся, открылся тёмно-коричневый натюрморт с рыжеватым отливом: мясо стало прозрачным, почти желейным, батат разварился до мягкой рассыпчатой нежности — одного взгляда было достаточно, чтобы рот наполнился слюной.

Таотэ понёс блюдо в комнату, поставил на стол, метнулся обратно за чистой посудой. На этот раз он поступил умнее — взял неглубокое плоское блюдечко.

Его обычная большая миска для семисантиметрового Якоба была бы как купальня. Плоское блюдечко — в самый раз.

Приготовившись, Таотэ подошёл к кровати:

— Обедать.

Нашёл маленького человечка — и без лишних слов сгрёб его в кулак.

— Что ты делаешь?! Отпусти! — Якоб забился в руке, но та висела на весу, и от страха упасть он вцепился в пальцы Таотэ обеими ручками — так крепко, что не мог бы разжать, даже если бы захотел.

Таотэ опустил мягонького, пухленького Якоба на стол.

— Ты мне руку защебил! — Маленький человечек обхватил тоненькое плечико, и в его нежном голоске слышались и обида, и что-то подозрительно близкое к слезам.

Таотэ пригляделся — и правда: на щеках у Якоба блестели слёзинки.

— Ну ты опять... — Таотэ развёл руками. — Ты же генерал! Откуда у вас берутся генералы, которые вечно плачут?!

Якоб сидел на столе, ещё не отошедший от пережитого, и держался за пальцы Таотэ — не отпускал. Надул щёки, уставился влажными сверкающими глазами — ещё одно слово, и разревётся по-настоящему.

— Ладно, ладно, виноват я, — сдался Таотэ. — Не надо было нести тебя так. Прости. Не плачь, а?

Он взял палочками по кусочку мяса и батата, положил в блюдечко, добавил немного хрустящих диких листьев. Посмотрел на Якоба, посмотрел на блюдечко — и выложил всё

обратно, подобрав куски в три раза меньше.

Якоб проследил за его взглядом — и обнаружил перед собой блюдечко с едой. Внимание его мигом переключилось.

Шмыгнул носом, выпустил пальцы Таотэ и засеменил к блюдечку.

Опустившись на четвереньки у края, маленький человечек потянул носом воздух — принялся, как зверёк.

— Что это? — Отнюхавшись, Якоб поднял голову и посмотрел на Таотэ с искренним любопытством.

— Обед, — сообщил Таотэ голосом заботливого воспитателя. — Очень вкусно. Попробуй.

— Вкусно... — Якоб повторил это слово нараспев, сглотнул — и не двинулся с места, зато в глазах загорелся неподдельный интерес.

Таотэ отправил в рот кусочек и зажмурился от удовольствия.

Не разучился. Всё так же вкусно.

Немного самодовольно — он понимал. Но когда живёшь один столько лет, эти маленькие радости — почти всё, что у тебя есть. Почему бы и нет?

Якоб, видно, поддался соблазну. Он обежал блюдечко по кругу, высматривая, как бы подобраться к мясу поближе, — но Таотэ положил куски в самую середину, и коротенькие ручки туда просто не дотягивались.

Наблюдать, как маленький человечек мечется вокруг и страдает, было невозможно без улыбки. Таотэ вытянул указательный палец и слегка толкнул Якоба в затылок — тот споткнулся и с разворота плюхнулся прямо в блюдечко.

— Ты что творишь?!

Якоб выбрался, схватился обеими руками за голову — и воззрился на Таотэ с праведным гневом. При падении нос угодил прямо в кусок батата — горячего. Кончик носа теперь пылал красным. Якоб моргнул раз, другой — и только что унятые слёзы снова подступили к глазам.

— Попробуй скорее, попробуй, — торопливо заговорил Таотэ, пока тот не скривил губы в ревушем изломе. — Правда вкусно, честное слово!

Якоб всё ещё держался за голову, весь вид — сплошная обида.

— Вот это самое вкусное, — Таотэ раздавил кусочек мяса палочками и поднёс прямо к носу маленького человечка. — Попробуй. Ну же.

Якоб уставился на кусок — тот был почти с его голову. Смотрел не моргая.

— Не смотри так, — сказал Таотэ. — Вкусно, честно. Остынет — будет хуже. Давай.

Над кусочком мяса вился белый парок. Якоб медленно опустил руки от головы, осторожно потёр нос — стёр капли батата с кончика, — затем слизнул с пальца.

Губы чуть разомкнулись. Глаза засверкали ярче.

— Это всё тебе. Ешь! — Таотэ с облегчением сунул кусок прямо ему в руки, придвинул большое блюдо с оставшейся свининой и бататом к себе и принялся за еду.

Якоб поморгал — и уставился на огромный кусок у себя в руках.

Укоризненно покосился на Таотэ, но тот уже был всецело поглощён едой и никакого дела до маленького человечка не имел.

Тогда Якоб прошагал к середине блюдечка, аккуратно опустил кусок и устроился рядом. Потом слизнул с крошечных пальчиков, которые почти не было видно невооружённым глазом, — и с энтузиазмом приступил к обеду.

Таотэ наелся почти досыта, прежде чем поднял глаза на блюдечко — и едва не подавился куском батата.

Якоб сидел в блюдечке, раскинув ноги. Слева — кусок батата, справа — мясо, прямо перед ним — дикая зелень. То обгрызал мясо с обеих сторон, то выковыривал кусочек батата и слизывал его с пальца, то набрасывался на зелень — та никак не поддавалась зубам, нарезана была слишком крупно, и грызть её было целым испытанием.

Крошечный, занятый, совершенно поглощённый обедом.

Таотэ усмехнулся — и тут же нахмурился. У него дома не было ничего подходящего для маленького человечка: ни одежды, ни посуды. А разгуливать с голым генералом за пазухой было, как ни крути, не дело.

Прежде чем думать о пропитании, нужно было решить вопрос куда насущнее: снарядить

маленького человечка с ног до головы. Одежда — в первую очередь. Потому что так, в чём мать родила, долго не проживёшь.

<http://bllate.org/book/20392/2131317>